Известия
гор. Москва
№ 113
1922 г. 21 мая

Петроградский театральный сезон.

(Письмо из Петрограда).

Москва всегда считалась в смысле театральной деятельности более энергичной, передовой и интересной, нежели Петроград. Мне кажется, тут играет роль исторично преимущество московской театральной жизни, сколько самый ее характер и линия направления. Упрощенно можно сказать, что в Москве парит кудожественный натурализм, в Петрограде же—академический эклектизм *). Отсюда и оттенки репертуара: уклон в сторону чистого беспредметного приема в Москве и эстетических исканий и реконструкций в Петрограде. Отсюда же обусловливаются опасности и достижения, различные в обеих столицах. В Москве все-таки пол радными слушами и сетью бесчисленных ответственных руководителей Художественный театр или частичная разработка различных приемов, в Петрограде, на первый взгляд, внимание обращено на академическая балет и драму, приносимо отзывчивой эстетической ретроспективностью или эстетическими мечтаниями в роде Фокинских балетов.

Естественно начинать обзор петроградской театральной жизни со сцен академических.

Александринский театр почти совершенно выполнил в последние годы, и этот сезон энергично стал проявлять признаки жизни, нельзя сказать, чтобы всегда удачные. Во всяком случае было четыре больших постановки с известными художниками. «Посмертная» А. Толстого (Кустодиев), «Дневник Сатаны» Л. Андреева (Петров-Водкин), «Антоний и Клеопатра» (Шухаев) и «Мещанин-дворянин» Мольера (А. Бенуа). Первые два (особенно вторая) были настолько неудачны, что очень скоро исчезли из репертуара. Постановка Мольера,—имевшая наибольший успех у зрителя,—не из лучших работ Бенуа, как режиссера. Несовая и довольно посредственная в интересных, в сценах самой комедии она была несносно тусклой, вялой и скучной, несмотря на первоклассную игру К. Яковлева. Костюмы, конечно, были исторически верны, что неудивительно для А. Бенуа, но отсутствие пышности и блеска в этом мольеровском спектакле составляло едва ли удвоенную его оригинальность. Больше всего толков вобудила постановка «Антония и Клеопатры». Помимо того, что для Клеопатры не нашлось подходящей исполнительницы, самый спектакль данненьший, сидуальный как отвлеченная символика вне времени и пространства, производил тягостное и не совсем уместное для академической сцены впечатление. Как новшество для Александринского театра можно отметить широко примененный прием статичного обыгрывания.

Не имели успеха также и «Ночью Мартине и «Торжество Нептуна» Н. Смолича, равно как и возобновление Островского—«Грех да беда на кого не живет» и «Бедность не порок». Вообще с Островским, любимой которого признавался в этом году, вышло очень неблагополучно. Почти все петроградские театры, поставившие Островского, словно задались целью доказать, что не ставить, не исполнять его теперь невозможно, а если и возможно (Переяславский театр), то в стиле какого-то отвлеченного фетиша. Идейная кропка очень мало и официально, и что всего покапательнее и печальнее, что со стороны академического театра и на юбилеи и в самых постановках Островского чувствуется необыкновенное равнодушие к академическому русскому драматургу. Главным же недостатком Александринского театра служит отсутствие хорошего режиссера, так что неудивительно, что публику, главным образом, привлекают возобновления старых мейерхольдовских постановок в декорациях А. Головина («Маскарад», «Дон-Жуан», «Гроза»). Скорее всего мы достигнем взлета на постановки Н. В. Смолич, но он занялся оперетой, куда с жаром вкладывал свою изобретательность и вкус. Действительно, постановка «Там где заворонки поет» Лецара и Михайлова свою театру принадлежит своей самостоятельности. Если прибавить во внимание очаровательную музыку и великое исполнение, то будет вполне понятно, почему оперетта Лецара является не только лучшим спектаклем в Михайловском театре, но вообще известным событием в театральной жизни. Прибавив сюда менее удачную постановку Фаона «Герцогини Герольштинской» Оффенбаха, можно считать исчерпанными новинки Михайловского театра, так как такие спектакли как «Короля комических поэтов», «Как важно быть серьезным», «Дама с камелиями» и «Рыцарь Лонгаль» являются чистой халтурой и никому ненужным хламом.

В оперном театре нового ничего не было, если не считать неизвестно для чего понадобившуюся новую обстановку «Аиды» и возобновление исполнения наиболее популярных и доступных опер Вагнера («Тангейзер», «Лоэнгрин» и «Валькирия»). С управлением «Музыкальной драмы» и при таком умирании оперы Народного Дома, не имеющей возможности существовать в силу районного своего местоположения, Петроград обслуживается исключительно академической оперой. Нужно признаться, что обслуживается довольно скупо, но, повидимому, его никого особенно не беспокоит, так как, к сожалению, всех, повидимому, посредственно больше интересуют оперетта и балет.

Балетные спектакли, регулярно и всесторонне освещаемые критическими статьями А. Л. Волынского, подтверждают тезис былой силы, хотя их чарующий остается только Гердт, Вилзак и Большакова, но возвращение на петербургскую сцену Спесивцевой и Семенова, вступление Малаховой в предназначенные молодым артисткам более ответственных ролей («Жар-Птица»—Данилова, «Пленная принцесса»—Кенгуина, «Коппелиа»—Спесивцева) сделали этот балетный сезон необыкновенно оживленным. Чувствуется недостаток опытного балетмейстера, что особенно сказалось в новых постановках «Сольфеджо» и «Танец симфонии» Ф. Лопухова. И, конечно, большой урон для академической сцены уход из балетной группы Успуховой и Орлова, перешедших [illegible] в оперетту.

Большой Драматический театр можно рассматривать как переходное или соединительное звено между академическим и московским Художественным театрами по очевидному стремлению к некоторому натурализму. Во всяком случае, театр этот заслужил себе солидную и постоянную репутацию и в отсутствии направления или художественных планов уроков не выслушивает. Но в минувшем сезоне (инцидент быта, вследствие болезни Н. Ф. Монахова) деятельность Большого Драматического театра не была характерной или же указывала на какой-то сдвиг в сторону большей свободы и совершенности. Я имею в виду постановку Ходова интересной пьесы Г. Кайзера «Газ» с декорациями Анненкова. Это был один из самых свежих спектаклей сезона. Вторая попытка принять более «левую» постановку (В. Лебедева) к пьесе «Ужин пугуя», в виду чисто механического разрешения задачи художником и режиссером, успехом не увенчалась. Третья постановка «Грязь» Малыша и Гелеи с декорациями А. Бенуа—была милой и веселой, но потрясенной работой, впрочем, она имела большой успех. Остальные постановки («У жизни в лапах», «Мизотта» и «Вегема») носили чисто случайный характер, явление несколько странное для Большого Драматического театра. Но всякий случай, постановка «Газа», кроме интереса самой пьесы, привлекала к монологии удачным демонстрацией «левого уклона» в Петрограде.

Таким же удачным примером нужно признать постановку пьесы Адриана Пиотровского «Падение Елены Ли» в театре Новой Драмы. Вообще этот интересный театр, несмотря на хороший репертуар («Восстание ангелов», «Удивительные приключения Гофмана», «Сверх Тридцатого», «Виноватые невинности Стриндберг», талантливых режиссеров (Гранич, Соловьев, Державин), отличного молодого декоратора В. Дмитриева, известного Москве по постановке «Зоры» с Мейерхольдом, не мог достаточно завоевать симпатий публики, а только «Падение Елены Ли» имело большой успех во всех отношениях. Молодой автор принадлежит к группе выдающихся, и в пьесе острота современности, сопровождаемая выразительностью приемов, достигает значительной высоты. Постановка Гранича и декорации Левина отлично соответствовали замыслу пьесы, и успех ее можно рассматривать не только как победу театра Новой Драмы, но и как показательную для монументально монументального искусства. Театр еще бы приобрел направление и тритом крайне интересное и современное.

Драматический театр б. Народного Дома, постановка новинки А. Толстого «Любовь—книга золотая», снова перешла на исторические инсценировки различного достоинства.

Театр «Юных зрителей» с успехом продолжает свою деятельность, но ничего особенно привлекающего внимания из этого сезона поставлено не было. Лучшей постановкой попрежнему остается пьеса «Конек-Горбунок».

Можно отметить постановку «Хозяйки» Достоевского в мастерской Передвижного театра и пьесы Юрьевой и «Вольной комедии», где она сыграла «Виктрин» и «Страсть». Ещё не весьма получили бы инсценировки «Портрет Дориана Грея», Грановская хотела расширить свой репертуар, поставив «Даму с камелиями» и поступила бы учиться в оперетты «Нетрия», но вернулась к обычным своим ролям.

[illegible]

[illegible]

*) Мы не можем вполне согласиться с таким определением всех московских направлений. Редакция.